

"СЛОВО О СОТВОРЕНИИ НЕБУ И ЗЕМЛИ" ИЗ ДЕБРЕЦЕНСКОГО
КОДЕКСА И ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА ПОПУЛЯРНОГО БОГОСЛОВИЯ
ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ XVI В.

Цветанка Янакиева

/г. Шумен, НРБ/

Кодекс, хранящийся в Научной библиотеке Дебреценского Университета под шифром М₈ 106/16, представляет собой бумажную рукопись в одну четвертую часть листа, написанную одним писцом крупным беглым полууставом с элементами скорописи. Содержит 168 листов -- в тексте не достаёт двух начальных листов и конца. Основная часть текста -- Правила святых апостолов и святых отцов и часть текста, Приложение, включает три Слова: Слово о сотворении небу и земли, Слово о святой литургии апостола Павла и Слово святого Григория Богослова с протолкованием /Символ веры/, а также Молитва до Бога Отца.

Совокупность языковых примет и характер водяного знака /вепрь средней величины со щетиной на спине/ позволяют датировать рукопись серединой -- третьей четвертью XVI века.

Исследование особенностей нормативной системы писца в плане орфографическом, лингвистическом и текстолого-историческом показало, что основная часть рукописи создавалась на славянском Востоке в юго-западном скриптории, причем в распоряжении писца находилась рукопись среднеболгарского происхождения, вероятно, середины -- второй половины XVI века /Янакиева, Пандур, с. 88--90/.

За пределами нашего внимания, таким образом, оказался весь текст Приложения, который не обнаружил прямой взаимосвязи со среднеболгарским протографом. Вместе с тем, однако, этот текст должен привлечь к себе особое внимание, как как в нормативном отношении наблюдается целый ряд отступлений по сравнению с основной частью текста.

По своему предназначению рукопись является справочным пособием для рядового духовенства по ряду церковно-юридических и до-

гматических вопросов. Адресованность текста представителям низших чинов духовенства вскрывается на основании многочисленных приписок на полях типа: зри о попе, зри невоже попе, зри о времѣ опасно како дати постъ епитимью лл. 35, 98, 116, 122, 129 и др.

Наибольший интерес в этой связи представляет текст Слова о сотворении небу и земли -- популярное изложение широкого круга вопросов православной догматики о сотворении мира. Сведения приводятся в виде сжатых до предела формул -- догматических аксиом. В Слове рассматриваются следующие темы:

1. Тема соотношения небесного, земного и лунного круга -- дается на основе сведений из Толковой Палеи болгарской редакции и Пространной южнославянской редакции Книги Еноха.

2. Тема снятия и возложения ангелами венца на солнце -- приводятся сведения апокрифического характера, которые соотносятся с той же редакцией Книги Еноха.

3. Тезис о "животном" естестве солнца, звезд и месяца -- соответствий не обнаружено.

4. Тема нагого естества ангелов: некоторые сѣи не видѣ аггѣла нагымъ естествомъ. Токмо стѣа вѣа видѣ гавриѣла нагымъ естествомъ -- без соответствий.

5. Изложение еретической идеи /блгдослови глѣть/ и критика с аргументами догматического характера.

6. Тема небесного устройства -- сведения даются по тем же редакциям Толковой Палеи и Книги Еноха: 12 врат на востоке, 12 врат на западе, 12 путей по воздуху и по мировому океану /акионоу/. Далее приводятся сведения о том, что солнце и луна проходят по воздуху над океаном -- луна лежит низко над водой /не шмауааса/, солнце же трижды "омочается" -- без соответствий.

7. Тема феникса /хоуръ пиннѣзъ/ в отличие от Шестоднева и Бестиариев, особенно популярных в XVI веке, интерпретируется в апокрифическом свете со сказочными мотивами: встъ кѣръ емѣ и глава до нѣс а в мори до колѣнѣ емѣ ж нма пиннѣзъ. Утром на восходе солнца петух -- феникс просыпается и возглашает, и сразу же все

птицы возглашают: *свѣтодавѹ ѿ днѣи же свѣтъ мирови*. Последний сюжет находит соответствие в Прении Панагиота с Азимитом, антилатинском сочинении, известном в среднеболгарском переводе XIII века. Это сочинение становится особенно популярным в полемической литературе, распространяемой в Юго-западной Руси в XVII веке /Петров, 103/.

8. Тема формы неба и земли -- нево изгнѣданное комаросаа земля соответствует сведениям Шестоднева и Изборника 1076 года.

9. Тема ада и рая: ад /мѣи/ дается как земля, в середине которой пропасть с протекающей в ней огненной рекой, а о рае сообщается, как о крестообразном месте. В последнем случае, очевидно, речь должна идти о контаминации различных апокрифических сюжетов.

10. Тема столпа-адаматина также рассматривает контаминированный образ: идею твердого адаманта-диаманта, знаменующего твердость и устойчивость в вере, идею вавилонского столпа и крестного дерева. К этому столпу, находящемуся среди океана, привязан антисотона дѣаволь. Во всей доступной мне литературе -- в изданиях юго-западнорусской и карпато-русской литературе Н.И. Петрова, Н.С. Тихонравова, Ивана Франко и др., в словарях, лексиконах, индексах и т.д. подобное название ипостаси врага рода человеческого, содержащее тройное отрицание, не встретилось.

11. Тема сотворения твари в пятый день и свержение дѣавола прежде создания Адама повторяет аргументацию антибогомильских сочинений.

12. Тема о сотворении человека представляет большой интерес, так как в Слове важная роль приписывается ипостаси святого духа: *рѣу ѿ дѣи кѣ стѣмъ дѣи сѣтвори ѹиѣи по шѣрѣи нашеи*. Как известно, в богословской литературе адресат получал различную идентификацию в зависимости от факторов текстуально-языковых -- в частности от формы числа императива: *сѣтворишь* /вместе со святым духом/ или *сѣтворишѣ* /бог-отец и другие ипостаси святой троицы/. Ясно, что в данном случае, несмотря на упоминание ипостаси святого духа, двойственное число остается невыраженным.

Подобное обстоятельство может свидетельствовать как о формально-семантической неактуальности категории двойственного числа, так и о недостаточной нормативно-языковой и текстуальной компетенции писца.

Слово кончается изолированными формулами-высказываниями о грехопадении Адама и Евы, о рождении, страстях и воскресении Христа.

Характер построения текста и содержащаяся в нем информация подтверждают мысль о предназначенности текста для потребностей рядового духовенства, которое должно было внушить прихожанам основные аксиомы православия в доходчивой форме. Текст этот приспособлялся к уровню сознания малообразованного и не искушенного в схоластической премудрости человека /аналогично см. Гуревич, с. 65/. Вместе с тем, однако, пособие нацелено на православного читателя, полемизирующего с представителями "латинской" веры -- об этом свидетельствует факт привлечения такого антилатинского полемического сочинения, как Прение Панагиота с Азимитом, получившего широкое распространение в XVII веке в Юго-Западной Руси в связи с религиозной войной православных /в первую очередь казаков/ с католиками, униатами и протестантами. Аналогичные цели вскрывает и факт особого внимания к ипостаси святого духа -- текст исхождения святого духа в сочетании с текстами об опресноках и с текстами сказания убого ради отпаде латина от правды веры составляют ядро антилатинских сочинений, в том числе старообрядческих, XVII--XIX вв. Подобной антилатинской направленностью характеризуется и апокрифическое Сказание Анфилога об ангелах, служащих с ереем литургию -- в анализируемом тексте представлено как Слово о святой литургии апостола Павла.

Подобная антилатинская направленность текста Приложения Дебреценского кодекса тем более интересна, что она предвосхищает события конца XVI века, текст создавался как бы в процессе накала религиозных страстей.

Таким образом, Слово о сотворении небу и земли является важным источником популярного богословия XVI века в Юго-Западной Руси, дает интересные сведения по истории духовных движений

и может послужить источником для определения общего религиозного фонда эпохи.

Итак, различия в функциональном назначении основной -- церковно-канонической части в Приложении, стремившегося дать "готовый ответ" на вопросы, связанные с основными проблемами православной концепции мироздания, обуславливают и различия в языковых особенностях текста. Если текст основной части выдержан в строгой норме церковнославянского языка /русской редакции древнеболгарского литературного языка/ с последовательными и явными болгаризмами и балканизмами /Янакиева, Пандур, с. 89 и сл./, то в тексте Слова о сотворении небу и земли наблюдается практически не ограниченное проникновение черт местного восточнославянского говора. Кроме общего ряда церковнославянизмов -- примет русской редакции древнеболгарского литературного языка -- таких, как употребление лексем с восточнославянским порядком следования редуцированного /в большинстве случаев передаваемого буквой для гласного полного образования/ и плавного -- *ѣтолпови мѣртвыи* и др., употребление лексем с буквой *ѣ* вместо этимологического *а* после парного мягкого согласного -- *земля* им. ед.ч. и с буквой *а* после палатального вместо этимологического *ю*са *малого* -- *ѣ*, например: *научаа аорист*, 3 л. мн.ч., употребление лексем с восточнославянской передачей неполногласных сочетаний с *е* вместо *ь* -- *презрь*, *преа*, *преже* и др., употребление лексем с полногласием -- *воротится* и лексем с *е* вместо этимологического *ь* -- *повелѣна*, в тексте наблюдается целый ряд отступлений в сторону живого языка писца:

- употребление форм с лабиализованным *е* после палатальных -- *оу ѣом*,

- юго-западнорусское смешение *ь* и *и* вследствие совпадения их в живом языке: *повидѣте*, *понхавшѣ*, *сѣмотрити* и *вѣзвратѣся*, *сѣтворѣмѣ*, причем в последних двух случаях в гиперкорректном употреблении.

- употребление *у* вместо *в* в силу билабиального характера звонкого фрикативного *в* в живом языке: *оу ѣом*, *оу акишнь*, *оу сѣилицѣ* *оу гроуѣ*,

- употребление лексем с отвердевшим р: *звѣры*,
- употребление унифицированной формы сравнительной степени прилагательного *воле* при форме именительного падежа ед.ч. м.р., то есть с фактически устраненным согласованием,
- употребление вторичного личного окончания *-ть* в 3 л. ед. ч. аориста от тематических глаголов: *приидет*, *сътворит* /попытки подобной дополнительной индикации форм лица косвенно свидетельствуют о недостаточности и неясности этих форм как для пишущего, так и для его читателя/,
- употребление формы сослагательного наклонения по образцу новых восточнославянских образований: *аще бы* /вместо *быша* / *были*,
- употребление восточнославянских /юго-западнорусских/ флексий в формах 1 лица мн.ч. настоящего и будущего времени: *бсми*, *вѣдмо* и др.,
- употребление специфических юго-западнорусских лексем типа *плавлет*, *ци* со значением "неужели" и т.д.

Наряду с перечисленными отступлениями в Слове обнаруживаются и некоторые смысловые деформации текста, вызванные, как кажется, недостаточной нормативно-языковой и текстуальной компетенцией составителя и/или писца: *разоумъ боꝑъ даѣт его же* /*вм. вмоу же* / *хошет*, *вѣжани възискающеи сведенѣа его възъмь соꝑцем боꝑа*.

Перечисленные отступления свидетельствуют о том, что изложение представляет собой начальный, предварительный этап переложения сакрального языка на народный язык. Вульгаризованная мысль священнослужителей облачалась в соответствующую упрощенную и вульгаризованную форму языка /аналогично в средневековой западной Европе, но значительно раньше, ср. Гуревич, с. 67--69/ -- праформу "простой мовы".

Литература

- А.Я. Гуревич. Популярное богословие и народная религиозность средних веков. В: Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976, с. 65--91.
- Н.И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в Киеве. Вып. I--III. М., 1892.
- Ц. Янакиева, Ю. Пандур, Палеографическое и графико-лингвистическое описание рукописи М. 106/16 из Библиотеки Дебреценского университета им. Л. Кошута. Сп. Старобългаристика XI, 1987, I, с. 86--97.